

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ТРАДИЦИЙ ЭЛЕГИИ
В ПОСЛАНИИ В.А. ЖУКОВСКОГО «К ФИЛАЛЕТУ»
СКВОЗЬ ПРИЗМУ «СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ»**

М.А. Варзаева,
*ассистент, Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
varmarika@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению послания В.А. Жуковского «К Филалету». Стихотворение апеллирует к традициям двух жанров – послания и элегии. Автор обосновывает колебание жанровых признаков в сторону жанра элегии. Элегическая основа стихотворения поддерживается комплексом «смешанных эмоций» - признанным исследователями последних лет в качестве жанрообразующей доминанты.

Ключевые слова: жанр, жанровая доминанта, послание, элегия, лирический герой, понятие «смешанные эмоции».

**MANIFESTATION OF GENRE ELEGY TRADITIONS
IN ZHUKOVSKY'S MESSAGE «TO FILALET»
THROUGH THE PRISM OF «MIXED EMOTIONS».**

M.A. Varzaeva,
*assistant, Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of Zhukovsky's message «To Filalet». The poem appeals to traditions of two genres – message and elegy. The author grounds the oscillation of genre's signs to the elegiac genre side. Elegiac base of the poem is supported with complex of «mixed emotions». This complex is confessed as forming genre dominant by last year scientists.*

Keywords: *genre, genre dominant, message, elegy, lyric hero, the conception of «mixed emotions».*

Дружеское послание, как и элегия, было весьма распространенным жанром в поэзии начала XIX века. Их популярность объяснялась неканонизированной сущностью обоих жанров, позволяющей поэту свободно излагать свои мысли.

Основным признаком послания является обращение к конкретному лицу, которое во многих случаях декларируется в заголовках произведений. Это основной формальный признак данного жанра. Кроме того, послание в той или иной степени имитирует письмо и потому может представлять собой непринужденную беседу и часто разговор «на равных». При этом адресат может быть как реальным, так и воображаемым.

Тем не менее, несмотря на известный набор жанровых признаков, в авторской интерпретации появлялись тексты, имеющие по своей сути синкретичную жанровую природу. Так, в частности, происходило с дружеским посланием, которое начинало вбирать в себя элегический смысловой комплекс.

Родство послания и элегии «уходит корнями в эпоху синкретического искусства. Послание восходит к жанру разговора с отсутствующим и обнаруживает, таким образом, по мнению Г.П. Козубовской, некоторую связь с поминальным комплексом [8: 3-4], из которого, как известно, оформляется элегия [4: 215]. Ощущение отсутствия, нехватки становится изначально тем семантическим полем, где пересекаются оба жанра» [2: 38].

Кроме объединяющей элегию и послание установки на отсутствующего адресата, есть и то, что их разводит, в частности, ракурс восприятия времени [5: 142-146]. «Лирический герой дружеского гедонистического послания 1810-х годов, как правило, молод. Однако мотив быстротечности молодости вводил в текст категорию времени, тема уходящей или ушедшей юности содержала элегический элемент» [2: 39].

Колебание жанровых признаков то в сторону послания, то в сторону элегии, указывает не только на синкретичную природу жанра произведения, но и на возможность рассмотрения его в рамках как послания, так и элегии. В нашем случае мы будем апеллировать именно к элегической основе стихотворения «К Филалету», которая базируется на комплексе «смешанных эмоций».

Понятие «смешанных эмоций» (или «смешанных ощущений») впервые использовал Мендельсон «в своих "Письмах об ощущениях" (1755), а затем в этюде "Рапсодия, или Дополнения к Письмам об ощущениях" (1781), где он опирался уже и на только что вышедший трактат Э. Берка. Мендельсон рассматривает наши ощущения, теперь уже и эстетические, как двуединое сочетание страдания и удовольствия, удовлетворения и неудовлетворенности» [3: 17].

В. Э. Вацуру отмечает, что «непосредственно к элегическому жанру психологические теории Мендельсона были применены в "Письмах о новейшей литературе" (1762) Томаса Аббта и "Фрагментах о новой немецкой литературе" (1767) Гердера с его комментариями под названием "О подражании латинской элегии"» [3: 17].

В исследованиях последних лет авторы все чаще указывают на то, что именно понятие «смешанных эмоций» определяет жанровую доминанту элегии (С. В. Горин, О. В. Зырянов, Е. В. Толстогузова, Д. М. Магомедова, Г. П. Козубовская, Е. Н. Рогова и др.).

В окончательном варианте «К Филалету» (1809) В. А. Жуковский «отказывается от элементов дружеского стихотворного послания и создает медитативное элегическое стихотворение» (см. Примечания к текстам стихотворений [6: 538]). Поэтому, несмотря на форму послания, актуализированную в заголовке, перед нами полноценное стихотворение, апеллирующее, в первую очередь, к жанровой традиции элегии. На это указывает И.А. Поплавская, говоря о том, что в стихотворении

«актуализируются поэтические открытия 1800-х гг. в жанре надгробной, кладбищенской и медитативной элегии» [6: 537]. Она подчеркивает также и текстуальные соответствия фрагментов из первой редакции послания и элегий «Сельское кладбище» и «Вечер».

Видимо, по той же причине В.Н. Касаткина называет «К Филалету» элегическим посланием [7: 22], отдавая дань традиции послания, заявленной в заголовке произведения. Но при этом она не может игнорировать элегическую сущность «К Филалету». И таких, на первый взгляд, «жанровых гибридов», у Жуковского немало. Вспомнить хотя бы элегическую балладу «Теон и Эсхин». Следует отметить, что В.Н. Касаткина, давая жанровое определение отдельным стихотворениям поэта (определяя их как своего рода синкретичные жанровые образования – М. В.), в целом рассматривает их в ряду элегий [7: 15-40].

В стихотворении «К Филалету» «мечта о минувшем» соседствует с «мечтой о смерти»:

Как часто о часах минувших я мечтаю!
Но чаще с сладостью конец воображаю <...>
Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
Моей любимой мечтою становится [6: 139].

Две «мечты» о прошлом и будущем в контексте элегии становятся своеобразной оппозицией жизни и смерти. Мечта о гибели встречалась нам и в элегии «На смерть фельдмаршала графа Каменского», написанной в этом же году. Но там оппозиция заключалась в несоответствии героической жизни и бесславной смерти, и «смешанные эмоции» были обусловлены сюжетной ситуацией элегии. Здесь же счастливая жизнь (она же – прошлое) противопоставлена смерти как возможности искупления счастья, так как жить дальше без этого счастья невозможно. А в прижизненном будущем счастье видится герою лишь в мыслях о прошлом, то есть, по сути будущее и не наступит как таковое (если оперировать категориями героя, для которого истинная жизнь заключается только в счастливых моментах, а все, что приносит печаль и уныние – это уже знаки смерти).

В душе героя поселилась «унылость тихая» и повсюду видятся «вестники могилы», которые отсылают к уже упомянутым элегиям «Сельское кладбище» и «Вечер»:

Смотрю ли, как *заря с закатом угасает* –
Так, мнится, *юноша цветущий исчезает*;
Внимаю ли *рогам пастушьим* за горой,
Иль ветра горного в дубраве трепетанью,
Иль тихому *ручья* в кустарнике *журчанью*,
Смотрю ль *в туману даль вечернею порой*,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю –
Во всем печальных дней конец воображаю [6: 139] (курсив наш. – М. В.).

Предвещание (или предожидание) смерти выражается в ощущении уныния. Герой потерял и дружбу, и любовь, едва успев обрести. Все эти события оставили в душе лишь пустоту. И потому могила «ужасов» герою «не являет», а становится «горестным желаньем» избавления от безрадостного

бремени жизни:

Скажу ль?.. Мне ужасов могила не являет;
И сердце с горестным желаньем ожидает,
Чтоб промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, в которой я столь мало наслаждался,
Которую давно надежда не златит [6: 139].

Интересно и то, как В. А. Жуковский совмещает несколько утрат в одной элегии. Мысли его героя непоследовательны и сбивчивы, о чем свидетельствуют и многочисленные отточия. Если первая часть элегии посвящена другу (условное имя которого – Филалет), то вторая часть начинается со слов «Любовь...но я в любви нашел одну мечту». А на фоне этих двух утрат, помимо прочего, еще и «отцвел» «юношеский цвет» героя. И об этом он сокрушается как раз на границе между мыслями о друге и возлюбленной.

Далее, размышляя о грядущем, он адресует другу риторическое обращение, в котором задается вопросом о том, как преодолеть утрату любви. И тут он видит два выхода из состояния уныния: первый – за счастье любимой отдать свою бесплодную жизнь (если не суждено разделить свою жизнь с ней), второй – найти «рай в сем мире» при «стократных» скорбях и мучениях ради «блага милых дней» (страдание как дар свыше). Последний вариант представляется герою особенно «восхитительным» концом жизни. Это сознательный отказ роптать за возможность страдать от любви. Именно в слезах и страданиях ему видится «святое наслаждение». Следовательно, и счастье элегического героя скрыто в «смешанных ощущениях».

Таким образом, герой склоняется не просто к метафизическому утешению, связанному со встречей «во гробе», а с возможностью принести себя в жертву ради любимой, а также к утешению в страдании, которое и вовсе предполагается при жизни как «искупление счастья».

«К Филалету», с одной стороны, отсылает нас в большей степени к традиции элегий, написанных «на смерть», а с другой, - стремление героя «к диалогу с умершим как с живым, потребность наладить "контакт вопреки" изначально характерно для жанра послания» [1]. При этом разговора «на равных» здесь мы не увидим. На первый план Жуковский все-таки ставит переживания самого героя, нежели строит диалог с другом. Медитация, размышления героя насыщаются элегической атрибутикой, а риторические обращения к другу становятся на этом фоне факультативными.

Особенностью произведения В. А. Жуковского «К Филалету» является то, что в нем актуализируются сразу несколько типов «смешанных эмоций». Во-первых, «меланхолическая мечта» (мечта о прошлом), во-вторых, предожидание (мечта о смерти) как «неутоленная жажда болезненного чувства» и наконец «наслаждение в скорби» в настоящем (благодаря памяти прошлого и надежде на будущее). Как правило, в элегиях первого десятилетия XIX века в одном произведении реализуется один тип «смешанных эмоций». Это первый образец текста, в котором представлено такое разнообразие типов.

Все это свидетельствует о том, что герой элегии ищет выход из состояния «тихой унылости», но не может найти, и потому обращается к другу, хотя заведомо понятно, что ответа не последует, так как адресата элегии (скрывающегося за условным именем Филалет) уже нет в живых. В результате в произведении формируется особый хронотоп. Настоящее время оказывается дискретным, а его маркерами становятся собственно сами риторические обращения к другу. Воспоминания о прошлом сменяются представлениями о будущем, а затем сталкиваются в сознании героя, образуя непоследовательный ряд «смешанных эмоций».

Литература

1. Артемова С.Ю. Лирическое послание в литературе XX века: Поэтика жанра: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н.: спец. 10.01.01-10. – Тверь, 2004. – 18 с.
2. Богданович Е.В. Дружеское послание и элегия в 1810–1820-х годах: к вопросу о взаимовлиянии жанров // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 20 (235) Филология. Искусствоведение. Вып. 56. – С. 38–40. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/235/008.pdf> (01.10.14).
3. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. – СПб., 1994. – 241 с.
4. Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 155–298.
5. Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. – Нижний Новгород, 1994. – 464 с.
6. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. – М., 1999. – 760 с.
7. Касаткина В. Н. Поэзия В. А. Жуковского. – 2-е изд. – М., 2002. – 112 с.
8. Козубовская Г. П. Русская поэзия первой трети XIX века и мифология: (Жанровый архетип и поэтика). – Самара; Барнаул, 1998. – 213 с.